

Евг. ПЕРМЯК

Чужая
КАДИТКА

Annotation

- [Чужая калитка](#)
 - [notes](#)
-

Чужая калитка

Пермяк Евгений Андреевич

□
Алёша Хомутов рос мальчиком старательным, заботливым и работающим. Его очень любили в семье, но больше всех Алёшу любил дедушка, любил и, как мог, помогал ему расти хорошим человеком. Не баловал дед внука, но и не отказывал в том, в чём можно не отказать.

□
Попросит Алёша научить его ловушки на хорьков ставить — пожалуйста. Трудно ли деду показать, как эти ловушки ставятся! Дрова пилить вздумает Алёша — милости просим! Дед за одну ручку пилу держит, внук — за другую. Помучится парень, да научится.

□
Так и во всём... Красить ли крылечко задумает малец, огурцы ли на окошке в ящике выращивать — дедушка ни в чём не отказывал. Одного только от внука требовал:

— Коли берёшься за дело — доведи его до конца. А если видишь, что дело тебе не по рукам, — подожди, когда вырастешь.

Вот так и жил Алёша. Всех в своей большой семье радовал, и сам радовался, настоящим человеком себя чувствовал, и другие его таким же называли.

Хорошо на свете жить, когда тебя люди хвалят, когда всё тебе удаётся. Даже в пасмурный день на душе светло и весело. Но как-то и с удачливым Алёшей случилось такое, что пришлось призадуматься...

□
Всё началось с того, что пошёл он с дедом в лес тетеревов добывать. А дорога в лес шла через садовый питомник, где выращивались молодые деревца. Питомник был хорошо огорожен. Потому что и стадо может забрести да повытоптать саженцы. И лосей теперь столько развелось, что они даже в село, как домой, приходят. А уж про зайцев и говорить нечего — обгложут кору молодых яблонек или груш — и конец.

Подошли Алёша с дедом к питомнику и видят, что калитка открыта. Хлопает калитка на ветру. Щеколда у калитки оторвалась. Заметил это Алёша и говорит дедушке:

— Хозяева тоже мне... Пустое дело на три шурупа щеколду привернуть, а не хотят... Потому что чужая щеколда и ничья эта калитка...

— Что говорить, Алёшенька, — поддержал дедушка разговор, — и петли бы у калитки не худо сальцем смазать, а то, того и гляди, переест их ржа и калитка на землю свалится...

— И свалится, — подтвердил Алёша, — она и так еле-еле держится. Плохо, дедушка, быть чужой калиткой...

— Да уж куда хуже быть чужой калиткой, — опять согласился с внуком дед, — то ли дело наша калиточка. И синей красочкой она тобой покрашена, и петельки чистым нутряным сальцем смазаны, и щеколда у неё «трень-брень», как музыка... своё оно и есть своё.

Тут дед посмотрел на внука, улыбнулся чему-то и дальше зашагал. Долго ходили по лесу. Трёх тетеревов добыли и двух рябчиков. Находились по лесным чащобам да колдобинам так, что еле ноги волочат. Отдохнуть бы охотникам, да сыро в лесу.

Дед говорит:

— Сейчас на просеку выйдем, там скамейка есть.

Вышли на просеку. Смотрит Алёша — и правда скамейка стоит, в землю вкопанная. Почернела от времени, столбики мохом поросли. Обрадовался Алёша, сел на скамью, как на диван, и ноги вытянул. Хорошо!

Посидел Алёша, отдохнул и спрашивает.

— А чья, дедушка, эта скамья?

— Ничья, — ответил дед, — чужая. Какой-то человек взял да вкопал два столбика да прибил к ним доску. Вот и получилась скамья. Кому надо — отдыхай. Никто этого человека не знает, а все спасибо ему говорят... только скоро эта скамейка тоже, никак, кончится. Столбики у неё подопрели. Ну, так ведь чужая скамья, и никому до неё нет дела. Не то, что наша у ворот, ухоженная да покрашенная...

Тут дед снова посмотрел на Алёшу, потрепал его за розовую щёчку и опять улыбнулся чему-то.

Алёша выследил двух тетеревов. Дома шуму-гаму было выше потолка.

— Вот так охотник растёт у нас! — нахваливает Алёшу мать. — Подстрелить тетерева всякий может, а выследить его редкий умеет.

Весёлый был ужин в этот воскресный вечер, но Алёша почему-то молчал и о чём-то думал.

— Устал, наверно, милый сын? — спросил Алёшу отец.

— А может, с дедом не поладил? — спросила бабушка.

— Да нет, нет, — отмахнулся Алёша, — не устал и поладил с дедушкой. Очень даже поладил.

□

Прошла неделя, а может быть, и две — отправились дед с внуком по

первому снегу на охоту. Пошли через садовый питомник. Глядит дед и глазам не верит. У чужой калитки не только щеколда на хорошие шурупы привёрнута, не только её петли белым салом смазаны, но и краска на калитке, как небо в мае месяце.

— Алёша, ты погляди, — указывает дед, — никак, у чужой калитки родня нашлась.

— Наверно, — отвечает Алёша и дальше идёт.

□

Шли они опять по старой дороге и на просеку вышли. Добрались до скамейки, где в прошлый раз отдыхали, а скамейки не узнать. Столбики новые вкопаны, доска той же синей краской покрашена, что и калитка, да ещё спинка у скамьи появилась.

— Вот тебе и на, — удивляется дед, — у ничьей скамейки хозяин нашёлся! Омолодил скамеечку, а спасибо сказать некому. Знай бы я этого человека, в пояс бы ему поклонился и руку бы ему пожал.

Тут дед снова заглянул в Алёшины глаза и спросил:

— А ты не знаешь, как звать этого мастера, Алексей?

— Нет, — ответил Алёша, — я не знаю его, дедушка. Знаю только, что весной наши ребята хотят школьную изгородь подновлять. Совсем покосилась. Она тоже чужая, а — наша.

— Это хорошо, — сказал дед.

— А что хорошо? — спросил Алёша.

— Хорошо, что ты мастера не знаешь, который скамью починил и чужую калитку за свою посчитал... А что касемо школьной изгороди, — сказал дед, разводя руками, — я даже слов подобрать не могу... Видно, приходит, Алёша, такое время, когда всё оказывается своё и наше...

Дед опять заглянул внуку в глаза.

За лесом в это время поднялось позднее зимнее солнце. Оно осветило дым далёкого завода. Алёша залюбовался золотистым, окрашенным солнцем дымом. Дед заметил это и снова заговорил.

— А завод-то, Алёша, который дымит, тоже чужим кажется, если глядеть на него не подумавши... А он ведь наш, как и вся наша земля и всё, что на ней есть.

□

Примечания